

Нет автора

**Памятники древней
христианской письменности
в русском переводе**

**Сочинения древних
христианских апологетов Том 6**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Памятники древней христианской письменности в русском переводе: Сочинения древних христианских апологетов Том 6 /¹ Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 112 с.

ISBN 978-5-458-00370-4

ISBN 978-5-458-00370-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОБЪ ЕРМІѢ, СОЧИНИТЕЛѢ

„ОСМѢЯНІЯ ЯЗЫЧЕСКИХЪ ФИЛОСОФОВЪ“.

Подъ именемъ Ермія дошло до насъ на греческомъ языкѣ небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ: «осмѣяніе языческихъ философовъ» (*διασυρμός των ἑξω φιλοσόφων*). Кто былъ этотъ Ермія, гдѣ и въ какое время онъ жилъ, исторія не передаетъ намъ никакихъ извѣстій. Въ рукописныхъ кодексахъ его сочиненій дается ему названіе философа. По главной мысли своего сочиненія и приемамъ ея изложенія онъ близко подходитъ къ св. Іустину и особенно Татіану, такъ что въ его сочиненіи можно видѣть болѣе подробное раскрытіе слѣдующаго замѣчанія Татіана: «ты слѣдуешь ученію Платона? и вотъ эпикурейскій софистъ открыто возстаётъ на тебя. Опять, ты хочешь слѣдовать Аристотелю? и тебя ругаетъ какой-нибудь послѣдователь Демокрита» (*). Рѣзко полемическое отношеніе Ермія къ философіи языческой и взглядъ на ея происхождение напоминаетъ болѣе первыя времена горячей борьбы христіанскаго ученія съ язычествомъ, чѣмъ позднѣйшіе вѣка. По-

---

(*) Татіана «Рѣчь прот. Эмин. гл. 25.

сему ученые издатели и изслѣдователи твореній древности большею частію и справедливѣе относятъ Ермія къ писателямъ апологетамъ втораго или начала 3-го столѣтія по Р. Х. (*).

Сочиненіе Ермія вполнѣ соотвѣтствуетъ своему заглавію: не касаясь почти истинъ христіанства, онъ исключительно занимается различными системами языческой философіи и съ живымъ, остроумнымъ сарказмомъ представляетъ ихъ взаимное противорѣчіе и несостоятельность. Начиная словами апостола Павла: «премудрость міра сего есть глупость предъ Богомъ» (1 Кор. III, 19), авторъ отправляется отъ положенія, что языческая философія обязана своимъ происхожденіемъ падшимъ духамъ, и затѣмъ доказываетъ исторіей философскихъ системъ бесплодность ихъ попытокъ рѣшить важнѣйшіе вопросы челоуѣческаго духа, сопоставляя другъ другу главнѣйшихъ представителей древней философіи съ ихъ противорѣчивыми мнѣніями о душѣ челоуѣческой, о видимомъ мірѣ и о Богѣ.

Сочиненіе Ермія было издано въ первый разъ Раф. Зейлеромъ, съ его латинскимъ переводомъ, въ Базель (1553 г.). Англичанинъ Вортъ издалъ его въ исправнѣйшемъ видѣ, съ своими примѣчаніями, въ Оксфордѣ (1700). Затѣмъ Мараново изданіе Іустина, въ которомъ помѣщено и сочиненіе Ермія, перепечатано въ VI томѣ греч. Патрологіи абб. Миня.

Свящ. Петръ Преображенскій.

(*) Таковы: Каве (*Historia litter. scriptorum eccles.*, vol. 4), Мёлеръ (*Patrol.* 1); также Маранъ, помѣстившій Ермія въ своемъ изданіи сочиненій св. Іустина.—Другіе же, напр. издатели «*Bibliotheca Patrum*» и англичанинъ Вортъ, относятъ сочиненіе Ермія къ V-му вѣку, а вѣнскій бібліотекаръ Ламбецій принимаетъ Ермія за одноименнаго ему историка Ермія Созомена,—но неосновательно.

ЕРМІЯ ФИЛОСОФА

ОСМЪЯНІЕ ЯЗЫЧЕСКИХЪ ФИЛОСОФОВЪ.

---

1. Блаженный апостоль Павелъ въ посланіи къ Коринѣянамъ, жителямъ сосѣдственнымъ съ страню Греціи, которую называютъ Лаконію, такъ возвѣщаетъ: «возлюбленные, премудрость міра сего есть глупость въ очахъ Божіихъ» (1), и это сказалъ онъ не мимо истины. Ибо, мнѣ кажется, премудрость эта получила начало отъ паденія ангеловъ, и отъ сего-то философы, излагая свои ученія, не согласны между собою ни въ словахъ, ни въ мысляхъ. Такъ одни изъ нихъ душу человѣческую признають за огонь, какъ Демокритъ; другіе — за воздухъ, какъ стоики; иные за умъ, иные за движеніе, какъ Гераклитъ (2); другіе — за испареніе, другіе за силу, истекающую изъ звѣздъ, другіе за число одаренное силою движенія, какъ Пифагоръ; иные за воду раждающую, какъ Гиппонъ, иные за стихію изъ стихій, иные за гармонію, какъ

---

(1) 1 Коринѣ. III, 19.

(2) Думаютъ, что названія философовъ, здѣсь приводимыхъ, внесены въ текстъ переписчиками съ полей; по сему имя Гераклита поставлено не на мѣстѣ, ибо онъ почиталъ душу за испареніе (*αναθυμιασις*). См. Плутарха de placit. philos. IV, 3.

Дивархъ, иные за кровь, какъ Критій, иные за духъ, иные за единицу, какъ Пифагоръ; древніе также думаютъ различно. Сколько мнѣній объ этомъ предметѣ! сколько разсужденій философовъ и софистовъ, которые больше между собою спорятъ, чѣмъ находятъ истину!

2. Но пусть ~~были бы они несогласны~~ между собою относительно души,—по крайней мѣрѣ согласно учили о прочихъ предметахъ? Между тѣмъ, одинъ изъ нихъ признаетъ удовольствіе благомъ души, другой — зломъ, иной чѣмъ-то среднимъ между благомъ и зломъ. Далѣе, одни говорятъ, что природа души бессмертна, другіе,—что она смертна, третьи, что она существуетъ на короткое время; одни низводятъ ее въ состояніе животныхъ, другіе — разлагаютъ въ атомы; одни утверждаютъ, что она переходитъ въ тѣла трижды, другіе назначаютъ ей такое странствованіе въ продолженіе трехъ тысячъ лѣтъ: тѣ, которые сами не живутъ и ста лѣтъ, объявляютъ душѣ три тысячи лѣтъ существованія! Какъ назвать эти мнѣнія? Не химерою ли, какъ мнѣ кажется, или глупостію, или безуміемъ, или неполностію, или всеѣмъ этимъ вмѣстѣ? Если они нашли какую нибудь истину, то пусть бы они одинаково мыслили, или говорили согласно другъ съ другомъ: тогда и я охотно соглашусь съ ними. Но когда они разрываютъ, такъ—сказать, душу, превращаютъ ее—одинъ въ такое естество, другой въ другое, и подвергаютъ различнымъ преобразованіямъ вещественнымъ: признаюсь — такія превращенія поражаютъ во мнѣ отвращеніе. То я бессмертенъ, и радуюсь; то я смертенъ, и плачу; то разлагаютъ меня на атомы: я становлюсь водою, становлюсь воздухомъ, становлюсь огнемъ; то я не воздухъ и не огонь, но меня дѣлаютъ звѣремъ, или превращаютъ въ рыбу, и я дѣлаюсь братомъ

дельфиновъ. Смотря на себя, я прихожу въ ужасъ отъ своего тѣла, не знаю, какъ и назвать его, человѣкомъ ли, или собакой, или волкомъ, или быкомъ, или птицей, или змѣемъ, или дракономъ, или химерою. Тѣ любители мудрости превращаютъ меня во всякаго рода животныхъ, въ земныхъ, водныхъ, летающихъ, многовидныхъ, дикихъ или домашнихъ, нѣмыхъ или издающихъ звуки, бессловесныхъ или разумныхъ. Я плаваю, летаю, парю, въ воздухѣ, пресмыкаюсь, бѣгаю, сижу. Является наконецъ Эмпедоклъ, и дѣлаетъ изъ меня растеніе.

3. Если философы разнорѣчатъ такимъ образомъ въ ученіи о душѣ человѣка, тѣмъ болѣе они не могли сказать истину о богахъ или о мірѣ. Они такъ храбры, чтобы не сказать — тупы: не въ состояніи будучи постигнуть собственной души, изслѣдуютъ природу самихъ боговъ, и, не зная собственного тѣла, истощаются въ усиліяхъ познать естество міра. Относительно началъ природы они чрезвычайно разногласятъ другъ съ другомъ. Еслибъ я встрѣтился съ Анаксагоромъ, онъ сталъ бы учить меня вотъ чему: начало всѣхъ вещей есть умъ, онъ виновникъ и владыка всего; онъ безпорядочное приводитъ въ порядокъ, неподвижному даетъ движеніе, смѣшанное раздѣляетъ, нестройное устрояетъ. Такое ученіе Анаксагора нравится мнѣ и я вполне соглашаюсь съ его мыслями. Но противъ него возстаютъ Мелиссъ и Парменидъ: послѣдній въ поэтическихъ стихахъ возвѣщаетъ, что сущее есть единое, вѣчное, безпредѣльное, недвижимое и совершенно равное себѣ. Я опять, не знаю почему, соглашаюсь съ этимъ ученіемъ, и Парменидъ вытѣсняетъ изъ души моей Анаксагора. Когда же я воображаю, что утвердился въ своихъ мысляхъ, выступаетъ въ свою очередь Анак-

символъ съ другою рѣчью: я тебѣ говорю, кричить онъ, что все есть воздухъ; если его сгустить и сжать, то образуется вода, а если разрѣдить и расширить, то — эфиръ и огонь; по возвращеніи въ свое естественное состояніе онъ становится чистымъ воздухомъ; а если будетъ сгущаться, то измѣняется. Я опять перехожу на сторону этого мнѣнія, и люблю уже Анаксимена.

4. Но возстаетъ противъ этого Эмпедоклъ съ грознымъ видомъ и изъ глубины Этны громко вопіетъ: начала всего — ненависть и любовь; послѣдняя соединяетъ, а первая раздѣляетъ, и отъ борьбы ихъ происходитъ все. По моему мнѣнію, они сходны между собою и несходны, безпредѣльны и вмѣютъ предѣлъ, вѣчны и временны. Прекрасно, Эмпедоклъ: я иду за тобою до самаго жерла Этны. Но на другой сторонѣ стоятъ Протагоръ и удерживаетъ меня, говоря: предѣлъ и мѣра вещей есть человѣкъ; что подлежить чувствамъ, то дѣйствительно существуетъ, а что не подлежить имъ, того нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Прельщенный такою рѣчью Протагора, я въ восхищеніи отъ того, что онъ все, по крайней мѣрѣ наибольшую часть предоставляетъ человѣку. Но съ другой стороны Фалесъ предлагаетъ мнѣ истину, толкуя: начало всего есть вода, все образуется изъ влаги, и все превращается во влагу, самая земля плаваетъ на водѣ. Отъ чего бы не повѣрить мнѣ Фалесу, древнѣйшему изъ іонійскихъ философовъ? Но соотечественникъ его Анаксимандръ говоритъ, что прежде воды существуетъ вѣчное движеніе, и чрезъ него—одно возникаетъ, а другое разрушается. И такъ, надобно повѣрить Анаксимандру.

5. Съ другой стороны, не пользуется ли славою Архелай, который выдаетъ за начало всего теплоту и холодъ? Но съ

нимъ не согласенъ велерѣчивый Платонъ, утверждая, что начала всѣхъ вещей суть Богъ, матерія и идея. Теперь я ~~могу~~ **убѣжденъ**. Ибо могу ли не думать согласно съ философомъ, который сочинилъ колесницу для Юпитера? Но позади стоитъ ученикъ его Аристотель, завидующій учителю своему за созданіе колесницы. Этотъ указываетъ инныя начала: одно дѣятельное, а другое страдательное; по его мнѣнію, начало дѣятельное, не подлежащее дѣйствию другихъ вещей, есть эфиръ, а начало страдательное имѣеть четыре качества: сухость, влажность, теплоту и холодъ, и стѣ взаимнаго превращенія ихъ происходитъ возникновеніе и уничтоженіе вещей. Я утомился уже, волнуемый мыслями туда и сюда. Остановлюсь на мнѣніи Аристотеля, и уже никакое другое ученіе не потревожитъ меня.

6. Но что дѣлать мнѣ? На мою душу нападаютъ старики, древнѣйшіе упомянутыхъ философовъ: Ферекидъ, который утверждаетъ, что начала всѣхъ вещей—Зевсъ, Хаонія и Кроносъ,—Зевсъ—эфиръ, Хаонія—земля, Кроносъ—время; что эфиръ начало дѣятельное, земля—страдательное, а время—то, въ чемъ происходитъ все. Но и эти старики спорять между собою. Левкипъ почитаетъ все это глупостію, и утверждаетъ, что начала всѣхъ вещей безпредѣльны, вѣчно движимы, и чрезвычайно малы, и что тончайшія изъ нихъ поднявшись вверхъ, образуютъ огонь и воздухъ, а твердыя, спустившись внизъ, составляютъ воду и землю. Доколь же буду принимать такія ученія и ничему истинному не научаться? Развѣ освободить меня отъ заблужденія Демокритъ, открывающій, что начало всѣхъ вещей есть сущее и не сущее, что сущее есть полнота, а не сущее—пустота, и что полнота производитъ все въ пустотѣ посредствомъ или

превращенія, или фигуры. Пожалуй, я готовъ согласиться съ добрымъ Демокритомъ и вмѣстѣ съ нимъ смѣяться; но меня отвлекаетъ плачущій Гераклитъ, утверждая: начало всего, есть огонь, который имѣетъ два состоянія: разрѣшеніе и сгущеніе, первое—дѣятельное, второе—страдательное, то—соединяетъ, а это раздѣляетъ. Но, довольно уже для меня: мнѣ вскружили голову столько разныхъ началъ. Но вотъ еще Эпикуръ приглашаетъ меня не пренебрегать его прекраснаго ученія объ атомахъ и пустотѣ, такъ какъ все происходитъ и уничтожается отъ многообразнаго и многообразнаго соединенія ихъ.

7. Не противорѣчу тебѣ, прекрасвѣйшій Эпикуръ. Но надъ твоимъ ученіемъ смѣется Клеанъ, поднимая голову изъ колодезя. Я почерпаю изъ него истинныя начала всѣхъ вещей,— Бога и матерю, и утверждаю, что земля превращается въ воду, а вода въ воздухъ, что воздухъ поднимается вверху, а огонь находится въ окружности земли, что по всему міру распростерта душа, часть коей одушевляетъ и насъ. Не смотря на многочисленность этихъ философовъ, другая толпа ихъ прибываетъ ко мнѣ изъ Ливіи: Карнеадъ и Клитомахъ и всѣ ихъ послѣдователи; попирая ученія всѣхъ прочихъ философовъ, они сами утверждаютъ, что природа вещей непостижима, и что къ истинѣ всегда примѣшивается вѣкоторая ложь. Что же мнѣ дѣлать послѣ столь долгихъ утомительныхъ изслѣдованій? Какъ освободить умъ мой отъ такого множества мнѣній? Если ни что не можетъ быть постигнуто, то истина удалена отъ людей, а пресловутая философія болѣе гоняется за тѣнью, нежели обладаетъ званіемъ вещей.

8. Но вотъ другіе философы древнаго поколѣнія,—Пиеагоръ и единоплеменники его, важные и молчаливые, пера-

даютъ мнѣ, какъ въкоторыя таинства, иныя ученія, вмѣстѣ съ главнымъ и таинственнымъ ихъ доказательствомъ: «самъ сказалъ». Начало всѣхъ вещей есть единица; изъ нея разнообразныхъ формъ и чиселъ происходятъ стихіи; число же, форма и мѣра стихій таковы: огонь составляется изъ двадцати четырехъ прямоугольныхъ треугольниковъ, и заключается въ четырехъ равныхъ сторонахъ, изъ коихъ каждая состоитъ изъ шести прямоугольныхъ треугольниковъ, такъ что онъ уподобляется пирамидѣ; воздухъ составляется изъ сорока восьми прямыхъ треугольниковъ, и заключается въ восьми равныхъ сторонахъ; его сравниваютъ съ осмигранною фигурой, которая содержитъ восемь равностороннихъ треугольниковъ, изъ коихъ каждый раздѣляется на шесть прямыхъ угловъ; такимъ образомъ всего сорокъ восемь угловъ; вода составляется изъ ста двадцати треугольниковъ, и сравниваютъ ее съ фигурой о двадцати граняхъ, состоящей изъ ста двадцати равныхъ и равностороннихъ треугольниковъ; эфиръ составляется изъ двѣнадцати равностороннихъ пятиугольниковъ и похожъ на двѣнадцатигранникъ, состоящій изъ ста—двадцати треугольниковъ; земля составляется изъ сорока восьми треугольниковъ и заключается въ шести равностороннихъ четырехугольникахъ, и имѣетъ видъ куба: ибо кубъ состоитъ изъ шести четверугольниковъ, изъ коихъ каждый имѣетъ четыре треугольника, такъ что всѣхъ треугольниковъ вмѣстѣ двадцать четыре.

9. Такъ измѣряетъ міръ Пифагоръ! Я снова вдохновенный презираю домъ, отечество, жену, дѣтей и ни очемъ болѣе не забочусь, возношусь въ самый эфиръ, и, взявъ у Пифагора лакоть, начинаю мѣрить огонь. Измѣренія Зевсера уже недостаточны. Если не вознесется на небо та-

кое важное существо, великое тѣло и великая душа, то—
есть я, и не измѣрить зенра, то проподеть владыче—
ство Зевса! Измѣривъ же зенръ и сообщивъ Зевсу свѣдѣ—
ніе о томъ, сколько угловъ имѣеть огонь, я схожу съ неба
и ѣмъ оливы, смоквы, огородныя овощи, потомъ перехожу
къ водѣ, и ее, влажную стихію, начинаю измѣрять лактемъ,
пальцемъ и полупальцемъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и глубину ея,
чтобъ и Посидонъ узналъ отъ меня, какъ велико море, надъ
которымъ онъ владычествуетъ. Я и землю всю обхожу въ
одинъ день, изслѣдуя ея число, мѣру и фигуру: ибо вполнѣ
увѣренъ, что отъ столь великаго и чуднаго существа, ка—
ковъ я, не ускользнетъ и одна пядень вселенной. Кромѣ
того, я узнаю даже и сколько звѣздъ на небѣ, и сколько
рыбъ въ водѣ, и сколько звѣрей на землѣ, и положивъ мѣръ
на вѣсы, легко могу узнать, сколько въ немъ вѣсу. Напы—
щенная знаніемъ такихъ вещей, душа моя какъ бы сдѣла—
лась владычицею всего міра.

10. Но Эпикуръ наклонившись ко мнѣ говорить: ты, другъ
мой, измѣрилъ только одинъ мѣръ, между тѣмъ міровъ много,
и всѣ они безпредѣльны. Вслѣдствіе этого, я вынужденъ
говорить о множествѣ небесъ, о множествѣ различныхъ зен—
ровъ, и, запасшись нужнымъ продовольствіемъ на нѣсколько
дней, ни мало не медля начинаю странствовать по мірамъ
Эпикура: легко перелетаю предѣлы Фетисы и Океана, и, при—
бывъ въ новый мѣръ, какъ бы въ другое государство, въ
нѣсколько дней измѣряю все. Отсюда я снова переношусь въ
третій мѣръ, потомъ въ четвертый, въ пятый, въ десятый,
сотый, тысячный, и куда наконецъ? Все это мракъ невѣже—
ства, черный обманъ, нескончаемое заблужденіе, неполное
разумніе, непроницаемое невѣдніе: остается, чтобъ я со—